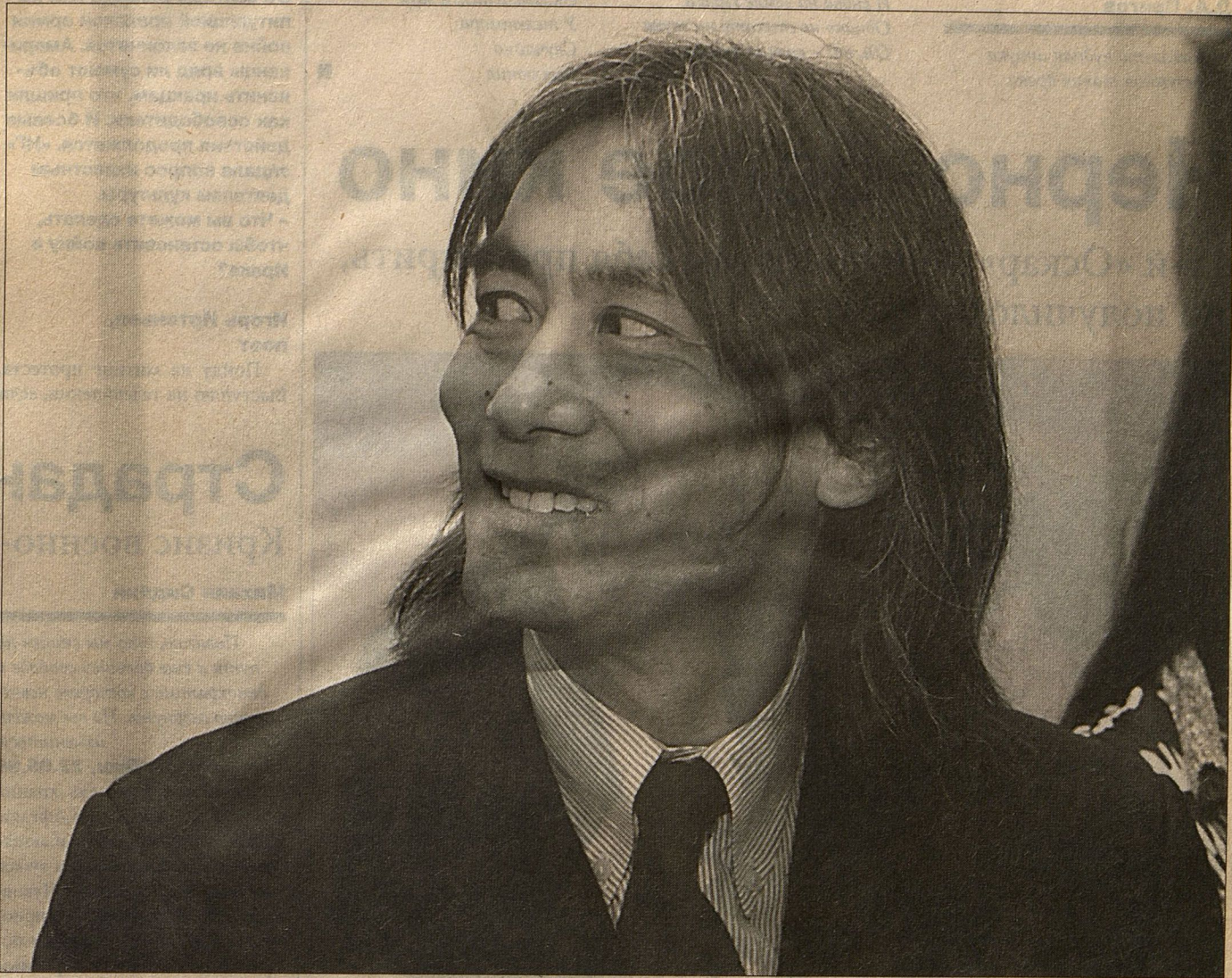

Страсти по Нагано

У нас появился новый любимый дирижер

Как восточный человек, Нагано общается с музыкой на особом языке.

Фото Матвея Сысоева (НГ-фото)

Независимая - 2003 - 1 апр. - с 8

Андрей Хрипин

Музыкальный год только начался, но уже сейчас нетрудно предсказать, какой дирижер будет назван самым любимым и ожидаемым гастролером. Кент Нагано, и никто другой. После мимолетного первого свидания Москва долго ждала новой встречи – и в феврале под звуки Фантастической симфонии влюбилась в гипнотического японо-американца окончательно и бесповоротно. На наше счастье, Нагано вошел в дирижерскую коллегию Российского национального оркестра, и теперь долго ждать его не пришлось. Под занавес марта "наш Кент" вернулся, чтобы вместе с РНО воздвигнуть Высокую мессу Баха (см. "НГ" от 28.03.03). Его священнодействие в Доме музыки на Красных холмах стало практически первым заметным публичным концертом в комплексе, который после официального декабрьского открытия с президентом

закрылся на "доделку" и кое-где еще не смыл с себя следы извести и мраморной пыли. Почему у нас так встрепенулись навстречу Нагано? Наверняка не потому, что это престижно – любить известного во всем мире дирижера (к Ростроповичу или Спивакову у нас ведь нет такой любви). При рекордном количестве концертов Москва погрязла в рутине. Мы уже в равной степени очумели от фокусников-шоуменов и халтурщиков, от скучных ремесленников и сумасшедших шарлатанов за пультом, утомились даже от гениального энергетического напора Гергиева и нафталинового традиционализма иных мэтров. Наш слух устал от оскорбляющего музыку озвучивания нот, а души истосковались по настоящей Музыке и настоящим Дирижерам – большим музыкантам и тонким художникам, для которых музыка не конвейер, а предмет роскоши и духовной выделки. Жаль, что такие гастролеры-утешители, как Нагано, Норрингтон, Рож-

дественский или Юровский-младший, – краткое исключение из правил в сером веществе нашей музыкальной жизни.

Как восточный человек, Нагано общается с музыкой на особом языке. В нем очень сильны такие свойства натуры, как медитативность и созерцательность, весьма подходящие для духовной музыки Баха. Он может быть теплым, но иногда – холодноватым, иногда он плетет изысканные ковровые орнаменты, но иногда обжигает сухим рационализмом. В симфонической мессе у Нагано Восток, современность и барочная готика, пересекаясь и перетекая друг в друга, сталкиваются с волной славянской ментальности исполнителей – и получается своеобразный, гибридный Бах. Ясное дело, что это никакой не аутентизм (начиная с подбора голосов и хорового стиля и заканчивая самими инструментами и способом извлечения звука), а скорее традиционная романтическая манера большого оркестра в духе

Караяна и с учетом современного опыта. Настроение было приподнятое. Чудеса звука творили трубачи РНО – их сверкающие золотом трели возносили прямо к небесам. Школярская старательность хора возвращала обратно на землю. Радость общения с Нагано заставляла забыть о тягостных усилиях и тембровом разномбее шести на скорую руку собранных певцов, среди которых смешались оперные, камерные и чисто хоровые исполнители, но не было ни одного, кто оказался бы достойным этой высокой музыки. За счет тембральной окрашенности мужские голоса все же выгодно оттеняли бесцветность неартистичных женщин. Но Баху не пошло на пользу ни то, ни другое, и лишь безусловный профессионализм Яны Ивановой (при ее более чем скромных вокальных данных) не казался особо придиричьей публичной импровизацией. Петь Баха нам еще учиться и учиться, впрочем, речь не о том. ■